В вегном движении музыки

Замерли далече Поздние слова, Отзвучали речи — Память все жива.

А. Блок

Владимир Владимирович Нильсен был и продолжает быть большим музыкантом современности. Тем горше сознавать драматичность его судьбы, тесно связанной с нелегкими судьбами отечественной культуры. Ибо музыкальную власть предержащие зачастую искусственно ограничивали контакты пианиста со слушателями. Это обернулось неизбежными потерями для артиста и еще более невознаградимым оказалось для музыкантов и любителей музыки, недополучивших нильсеновских концертов-уроков, концертов-откровений. Не случайно сегодня Мастер вызывает особый интерес.

Яркая творческая личность, создатель одной из ведущих петербургских исполнительских школ, Нильсен становился частицей жизни всех, с кем общался, кто слушал его игру. И это — главное, что он оставил людям. Учитель продолжает жить в учениках, музыкальных «внуках» и «правнуках». Среди выпускников класса Нильсена — профессор Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова народный артист РФ, академик РАО, лауреат Государственных премий, кавалер орденов «За заслуги перед Отечеством» IV степени, «Командорского креста» Республики Польша композитор С. М. Слонимский, заслуженные артисты РФ пианисты И. А. Комаров,

Е. В. Шишко, Э. В. Базанов, В. С. Вишневский, П. Г. Егоров, профессора Национальной музыкальной академии Украины имени П. И. Чайковского Л. Е. Цвирко, Н. Н. Протопопова, главный дирижер Большого симфонического оркестра Польского радио и телевидения в Катовицах, директор и художественный руководитель оркестра Национальной филармонии в Варшаве (1977–2002) Казимеж Корд, заслуженный артист РФ, профессор Хансейского университета (г. Сеул, Республика Корея) пианист А. С. Святкин и многие-многие другие, кто с успехом выступает и преподает чуть ли не по всему земному шару. Общение с Нильсеном оказалось памятно и тем, кто консультировался с ним даже непродолжительное время. В их числе — народная артистка РФ, профессор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского Т. П. Николаева, профессор консерватории г. Оберлин (США) С. С. Закарян-Рутстайн.

Другая часть духовного наследия Нильсена, сохранившаяся в записях его игры и высказываний, крайне скудна. При жизни артиста вышла всего одна граммофонная пластинка. Немногие интервью и заметки оказались рассыпанными в периодике. В сравнении с обильным количеством концертов Нильсена-пианиста (более 800) число посвященных им рецензий, статей, фрагментов исследований и воспоминаний (около 100) кажется особенно малым. Таковы традиции современной российской культурной жизни. Если в XIX столетии артист на следующий после выступления день мог прочесть о состоявшемся концерте несколько заметок в разных печатных изданиях, то сегодня даже премьеры и авторские вечера далеко не всегда — и, как правило, отнюдь не сразу — удостаиваются рецензий.

Есть и другие причины. Сам Владимир Владимирович никогда не занимался тем, что называется «организацией» прессы. Более того: он недоверчиво относился к суждениям критиков, подчас торопливым и поверхностным.

Настороженность к словесным оценкам была связана и с природой музыки, которую пианист не просто любил, но жил в ней и для нее. По определению Нильсена, музыка — искусство летучее, подобное Жар-птице. Схвати ее — и всё

мертвеет. Не пытается ли поймать эту Жар-птицу звукозапись? И можно ли в речи выразить тайну музыки, которая говорит без слов под пальцами пианиста? Поэтому так трудно, почти невозможно писать о Нильсене — поэте зыбких звуковых миров, обладавших «лица необщим выраженьем».

Наконец, само искусство Нильсена, далекое от плакатности, шумихи и сенсационности, адресованное слушателю, как бы настроенному на его духовную «волну», естественно ограничивало аудиторию пианиста, а следовательно — сдерживало и журналистский интерес.

Вместе с тем феномен артиста был такого масштаба, что его не обошли вниманием многие крупные музыканты, исследователи теории и истории пианизма. О Нильсене писали Г. Г. Нейгауз, Н. И. Голубовская, Л. А. Баренбойм, В. Ю. Дельсон, Д. А. Рабинович, Л. Е. Гаккель, Л. Г. Григорьев, Я. М. Платек и др. Однако хоть сколько-нибудь развернутой специальной работы, посвященной Нильсену, не было. И однажды я спросила Владимира Владимировича: почему нет очерка о нем даже в книге «В фортепианных классах Ленинградской консерватории» (Л., 1968), ведь ко времени ее написания Нильсен был одним из ведущих профессоров? «Сейчас объясню, отозвался Владимир Владимирович. – Я там должен был быть. И один мой ученик — трудолюбивый, честный, порядочный вызвался написать обо мне и исписал целую тетрадь. Но когда он дал это мне, я, читая, хохотал целый вечер. А потом показал Надежде¹ и сказал, что не хочу, чтобы обо мне такое писали: "Владимир Владимирович любит бас. Он часто говорит: бас, бас, бас... и все в том же духе". – "Знаешь что, – ответила Надежда, — дай мне. Я напишу, а ученик подпишет". Но я возразил: "Нет, я не хочу этой фальши!" Поэтому обо мне в этой книжке ничего нет, зато есть о М. Я. Хальфине, о других... И, кстати, ничего хорошего там нет, по-моему...»

После такого сурового приговора (не берусь судить о его справедливости) я оставила возникшую мысль писать о Владимире Владимировиче. Разве не сам он предпочитал быть му-

 $^{^{1}}$ Так В. В. Нильсен часто называл своего любимого учителя Надежду Иосифовну Голубовскую.